

АНТОН АНТОНОВ-ОВСЕНКО

СЕНСАЦИЯ: ЭКСПЕРТИЗА

Ученый, внук революционера

БОЛЬШЕВИКИ. 1917

КАК КУЧКА ЛЮДЕЙ
СОКРУШИЛА ИМПЕРИЮ?

Кто оплатил революцию?

Обида «мвлянского человека» на весь мир

Разгадка главного феномена истории

Антон Антонович Антонов-Овсеенко

Большевики. 1917

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6998761
Антон Антонов-Овсеенко. Большевики. 1917: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-085307-6

Аннотация

Журналист, писатель и ученый А. А. Антонов-Овсеенко, внук знаменитого революционера, посвятил свою книгу самому загадочному феномену русской истории – большевизму. Как небольшой группе революционеров удалось сокрушить огромную империю? Кто на самом деле оплатил русскую революцию? Благодаря чему большевики удержали власть? Все эти вопросы остаются актуальным и для новейшей истории! Автор создавал свой труд на основе многолетних исследований архивов и уникальных документов.

Содержание

Предисловие. Вопросы	5
Глава 1. Большевизм. Истоки	9
1.1. «Призрак коммунизма» и II съезд РСДРП	10
1.2. Цензура печати от Ришелье и Бисмарка до Николая II и Ленина I	18
1.3. Первая русская революция: «Добить правительство!»	22
1.4. Между первой и второй: французская эмиграция русских социалистов	34
Глава 2. Война. Внутренний фронт	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Антон Антонов-Овсеенко Большевики. 1917

Антон Антонович Антонов-Овсеенко – советский и российский журналист, писатель, ученый. Родился 11 марта 1962 г. в Тамбове. В 1988 г. окончил факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, в 1994 г. защитил кандидатскую по истории, в 2013 г. – докторскую по филологии. В СМИ прошел путь от печатника до гендиректора, от корреспондента до главного редактора, работал в «МК», «Ъ», «Метро», «ИДР» и других СМИ, занимался предпринимательством в области масс-медиа и рекламы. Автор и составитель научных и популярных публикаций и книг. Профессор-преподаватель российских вузов. Внук революционера Владимира Александровича Антонова-Овсеенко, сын писателя-диссидента Антона Владимировича Антонова-Овсеенко.

В книге использованы фотографии из архива автора фоторепродукций

Предисловие. Вопросы

Революция в России началась в конце февраля 1917 г. с демонстраций женщин – работниц Петроградских мануфактур и закончилась арестом Временного правительства 25 октября. А то, что ранее называлось Великой Октябрьской социалистической революцией, на самом деле было большевистским переворотом, хотя и совершённым под лозунгом созыва Учредительного собрания, но преследовавшим единственную цель – захват и удержание власти.

Временное правительство, от которого усилиями Керенского к 25 октября оставалась лишь жалкая «директория», не спешило с созывом всероссийского народного предпарламента, который и должен был принять главные решения – о государственном устройстве, мире, земле и собственности на средства производства. Большевики же пошли дальше: выполнив своё обещание созвать Учредительное собрание, но убедившись, что оказались в нём в меньшинстве, они попросту его разогнали. Караул устал.

Но как именно удалось большевикам захватить власть в 1917 г.? Ведь когда в конце февраля в здании Таврического дворца возникли практически одновременно Петроградский совет и Исполнительный комитет Госдумы, большевики были ещё слишком слабо представлены в столице: Ленину и Троцкому пока только предстояло спустя месяцы вернуться из эмиграции на родину. Большинству тех, кто этот вопрос бесконечно задаёт, очень хочется ответить на него однозначно: что «переворот был совершён на германские деньги». Однако в самой постановке вопроса – о том, что у большевиков оказалось больше (чем у других партий) денежных средств, и поэтому они победили, – используется в корне неверная логика. На успех большевиков не влиял и не мог влиять ни один из внешних факторов, включая погодные условия. В направленном из подполья в сентябре 1917 г. письме в ЦК «Большевики должны взять власть!» Ленин писал, что, «получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки»¹. Но ведь не на германские средства было «куплено» это большинство: оно возникло в результате ряда последовательных изменений и практических шагов, предпринимавшихся как большевиками, так и другими силами в течение всего политического процесса 1917 г. Поэтому правильнее было бы интересоваться не тем, как большевикам удалось *захватить* власть, а тем, как им удалось её *удержать*, да ещё так надолго.

В течение советских десятилетий у исследователей событий 1917 г. отсутствовал свободный доступ к архивам, что делало практически невозможным осуществление систематической научной работы. Историю исковеркали, и лично отредактированный Сталиным «Краткий курс истории ВКП (б)» был единственным настоятельно рекомендуемым источником. Всё, что выходило за рамки этого «курса», уничтожалось. Буквально. Сначала уничтожали видных партийных и государственных деятелей, военачальников – тех, кто знали, как всё происходило на самом деле, потом принялись за всех остальных без разбору, поскольку «враги народа» имеют обыкновение постоянно увеличиваться в числе. На быструю смерть, от пули в затылок, или медленную, в лагеря, отправляли врачей, учителей, инженеров, учёных, художников, певцов, священников и рабочих... И целым поколениям, жившим в течение этих репрессий и спустя долгие годы после них, так исковеркали сознание, что и в XXI в. раздаются требования установки памятников «отцу народов». А некоторые и не ожидают разрешений – сами устанавливают. Немцы, которых народы СССР победили в войне, со своим «Сталиным» разобрались жёстко: после Нюрнбергского процесса суды над немно-

¹ Ленин В. И. Большевики должны взять власть! Письмо Центральному комитету, Московскому и Петроградскому комитетам РСДРП (б) / В. И. Ленин. ПСС. Изд. 5-е. Т. 34. – С. 239–241.

гими сумасшедшими, исповедующими фашизм, проходят публично, с трансляцией на весь мир, пропаганда национал-социализма в любых формах запрещена. И Германия движется дальше по своему историческому пути, по пути прогресса.

В России же коммунизм, породивший людских трагедий и смертей не меньше, чем германский фашизм, пропагандируется открыто. И поэтому России прогресс – политический, экономический, культурный – даётся с трудом: страна фактически топчется на месте, предпринимая раз от разу безуспешные попытки достичь всеобщего благоденствия за счёт ограничения одних социальных слоёв в пользу других. Нам ещё только предстоит собственный Нюрнберг, потому что мы до сих пор не отваживаемся признаться самим себе в том, что Сталин – тёмное, кровавое пятно российской истории, а вовсе не человек, осуществивший «масштабную индустриализацию» и «победивший» в войне. Индустриализация и победа в войне совершились не благодаря, а вопреки Сталину – за счёт сотен, тысяч и миллионов человеческих жизней и человеческих смертей. Офицеры советского НКВД, отправлявшие невинных на расстрел, ничем не отличаются от нацистов, сжигавших людей в газовых топках: и то и другое – суть преступления против человечности, отличающиеся лишь формой исполнения. Но России стыдно признаться в этом даже самой себе.

Но не одни лишь сталинские репрессии омрачают недавнее историческое прошлое страны: надо согласиться, что фундаментом для сталинизма, его главной опорой в деле становления авторитарной власти стал именно большевизм. Узурпация власти, совершённая однажды и не признанная до сих пор, фактически продолжается. То, что происходит с Россией сегодня, – прямое, неопосредованное продолжение тех «свершений», начало которым положили большевики в 1917 г., пусть и из лучших, как им казалось, побуждений. Россия тогда, как это признал после памятного разговора с Лениным английский писатель Герберт Уэллс, потонула «во мгле», но и сегодня она далека от стремления к тому, чтобы из этой «мглы» выбираться.

Современные «патриоты» заняты поиском «третьего пути» для России – такого, в котором нет места для признания трагических ошибок в собственном прошлом, а есть лишь великие победы и достижения. Поэтому, когда окончилась эйфория перемен 1990-х, миру открылась трагическая действительность: созданная большевиками «империя» СССР распалась, но в её меньшей, российской части власть осталась всё той же – авторитарной. И эта людоедская сущность власти не изменится до тех пор, пока однажды, как в Германии фашизм и как в Америке расизм, в России не будет официально осуждён и запрещён коммунизм. Из сказок реальности не построить.

Научное осмысление кардинальных общественно-политических преобразований, происходивших в России в 1917 г., также по сей день во многом продолжает оставаться инерционным: историки и философы повторяют выработанные за десятилетия советского периода положения, порождённые однобоким марксистско-ленинским восприятием истории, продолжают мыслить штампами из сталинского «Краткого курса». Неизменной, например, до сих пор остаётся характеристика Февральской революции 1917 г. как «буржуазно-демократической». А между тем даже такой яркий представитель высшего, дворянского сословия, как князь Е. Н. Трубецкой, на страницах кадетской «Речи» ещё в начале марта 1917 г. отмечал, что свершившаяся в России революция – «единственная в своём роде», она – «национальная», «народно-русская», «всенародная», и потому «никто не имеет на неё исключительные права»².

Употребление термина «буржуазные», бытовавшего в течение советских десятилетий в отношении партий либерального толка, также не всегда правомерно: он должен быть пере-

² Жердева Ю. А. Русский либерализм в 1917 году: по материалам периодической печати: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ю. А. Жердева; Самарский гос. экон. ун-т. – Самара. – 2005. – С. 151.

смотрен во всяком случае в отношении Партии народной свободы (кадетов), поскольку и в современных исследованиях периода отмечается: либеральные публицисты в эпоху Февральской революции (то есть в период марта – октября 1917 г.) открыто заявляли, что Партия народной свободы «стоит на почве социализма» в не меньшей степени, нежели это пытались представить обществу левые партии и течения.

Профессор С. В. Мироненко³ считает, что вокруг 1917 г. вообще возникла целая система мифов, которые условно можно разделить на две группы. Первая – группа мифов «о привнесённом характере русской революции». Согласно одному из них, «конец эпохи династии Романовых был обусловлен не чем иным, как предательством генералов». Особое место в мифологии революционных событий 1917 г. занимает миф «о жидомасонском заговоре» в России в начале XX в. Вторая группа мифов связана с вождями Октябрьской революции – о Ленине как единственном вожде, Ленине и Сталине как двух вождях – при полном умалчивании роли Троцкого и т. д.

Ещё один миф касается использования в деятельности большевиков тех самых германских денежных средств, и здесь мы подробно рассмотрим все pro и contra этого мифа. И начнём хотя бы с того, что версии сотрудничества с военными врагами России выдвигались в 1917 г. отнюдь не только по адресу большевиков, но также и по адресу их «коллег» по левому крылу российской социал-демократии – меньшевиков и эсеров. А суворинская «Маленькая газета» однажды в запале обвинила в пособничестве врагу даже весь Петроградский совет целиком.

Меньшевик, сначала видный советский деятель, а затем член Временного правительства И. Г. Церетели узнал о существовании «дела» большевиков 4 июля на заседании правительства, проходившего в помещении штаба Петроградского военного округа. Свои впечатления об этом моменте он изложил так: «Явившись на заседание правительства, я застал там кн. Львова, Терещенко, Некрасова и Годнева. Львов с большим волнением сообщил мне, что Переверзев передал шлиссельбуржцу Панкратову и втородумцу Алексинскому сенсационное сообщение о связи Ленина с германским штабом – для опубликования в газетах. Оказалось, четыре члена правительства – Керенский, Некрасов, Терещенко и кн. Львов – уже давно вели расследование о связи большевистской партии с немецким правительством. Некрасов, Терещенко и Керенский считали, что расследование могло дать убедительные доказательства для установления связи Ленина с Германией. Но то, что у них уже было на руках, не представляло ещё достаточно веской и убедительной улики. Поэтому ни Терещенко, ни Некрасов не желали преждевременно опубликовывать добытые ими данные, дабы не помешать успешному расследованию дела. Оба они теперь решительно протестовали против передачи этих сведений в газеты, ибо как раз в это время, по их сведениям, должен был приехать в Россию посланец германского штаба, везущий документы, устанавливающие связь Ленина с немцами, и опубликование раньше времени имеющихся данных отпугнёт посланца, и весь план раскрытия факта сношений Ленина с немцами рухнет. Только что, перед моим приходом, Терещенко и Некрасов, поддержанные кн. Львовым, имели по этому поводу бурное объяснение с Переверзевым, который покинул заседание, заявив, что он подаёт в отставку... Львов мне сказал, что по соглашению с Терещенко и Некрасовым он хочет просить редакции всех газет не печатать этого сообщения, так как иначе это повредит делу расследования, и он спросил меня, согласен ли я с этим. Я ответил, что вполне согласен, и не только потому, что это соглашение повредит делу раскрытия сношений Ленина с германским генштабом, а потому, что *считаю документ этот явно вздорным, и опубликование его, по-моему, принесёт в конце концов больше вреда правительству, чем большевикам*»⁴.

³ С 1992 г. – директор Государственного архива РФ.

⁴ Церетели И. Г. Воспоминания о февральской революции. Кн. 2. – Paris. – Mouton & Co. – MCMLXIII. – С. 332–333.

Тем не менее публикация, базировавшаяся на протоколе допроса прапорщика Ермоленко и вызвавшая не только обоснованные сомнения И. Г. Церетели – Керенский со товарищи, как выяснится впоследствии, также не считали этот протокол веской уликой, – состоялась в газете «Живое слово» 5 июля 1917 г.; затем её перепечатали другие издания, и, к удивлению, изложенную в ней версию с упорством, заслуживающим лучшего применения, продолжают повторять российские СМИ спустя столетие.

Впоследствии появились «новые доказательства» того, что пораженческая активность большевиков была оплачена германскими деньгами: сведения эти основывались на публикациях служебной переписки военных и дипломатических чинов Германии. Действительно: есть подтверждения того, что германский генеральный штаб принимал решения о выделении средств на ведение антивоенной агитации в России. Существуют также подтверждения, что считающийся передаточным звеном между немцами и большевиками Александр Парвус (Гельфанд) эти средства получал. Однако совсем отсутствуют доказательства, что деньги эти в итоге попадали к большевикам.

Мифологизирование большевиков, увязывание их деятельности с влиянием извне продолжилось и в отношении периода, следовавшего сразу за 1917 г., – в части, касающейся заключения Брестского мирного договора. Ряд авторов уже и в постперестроечное время пытался оправдать теорию о «покупке» германским генштабом подписи большевиков под этим документом. Но и эта теория по ближайшему рассмотрению не выдерживает критики. И об этом мы также будем здесь подробно говорить.

Разумеется, однако, что отсутствие подтверждений ещё не доказывает отсутствия самого факта: в конце концов свидетельства подкупа могли быть уничтожены, или они не существовали вообще. Тем не менее, пока очевидные доказательства не будут обнаружены, любые умозаключения на эту тему будут спорными. Более того, все сведения, представленные здесь вниманию читателя, в том числе простой арифметический анализ данных касковой книги «Правды», сравнение расходных частей бюджетов большевистских и кадетских изданий подтверждают обратное: даже если не обсуждать деятельность большевиков в целом, то во всяком случае печать этой партии не испытывала потребности в финансировании извне, поскольку расходы на производство большевистских газет полностью окупались за счёт доходов, поступавших от розничных продаж, добровольных пожертвований и поступлений от лекций видных большевистских ораторов. Отчёты об этих поступлениях систематически публиковались не только в «Правде», но и в остававшейся меньшевистской в течение почти всего 1917 г. газете «Известия».

Касаясь же пресловутого вопроса о возвращении большевиков из эмиграции через территорию Германии, тот же меньшевик И. Г. Церетели впоследствии утверждал: «Ненависть их к германскому правительству была так же глубока и искренна, как и их ненависть к российским и западноевропейским империалистическим кругам. Чтобы воспользоваться услугами германского правительства для проезда в революционную Россию, *Ленин не имел никакой надобности принимать на себя обязательство сотрудничества с германским штабом*. Он хорошо знал мотивы, диктовавшие германскому штабу действия, направленные к облегчению возвращения в Россию эмигрантов-пораженцев, работа которых, по мнению этого штаба, могла только дезорганизовать военные силы России. И он открыто использовал расчёты внешнего врага, считая и заявляя, что более верными окажутся его собственные расчёты, согласно которым большевистская революция в России послужит стимулом аналогичной революции в самой Германии и в других воюющих странах и приведёт к поражению в этих странах установленного порядка и к социальной революции». Расчёты Ленина, как известно, во многом оказались верными. Давайте выясним – почему.

Глава 1. Большевизм. Истоки

17-летний Володя Ульянов стал Лениным, как только его старший брат Александр испустил последний вздох на виселице, установленной на внешнем укреплении Шлиссельбургской крепости. Случилось это 20 мая 1887 г., и тогда Ленин будто бы сказал в разговоре с убитой горем матерью про своё намерение пойти «другим путём». Между тем брата казнили за участие в подготовке покушения на царя Александра III, и обвинять правительство в этой ситуации фактически не за что: как ещё прикажете отвечать тем, на чью жизнь покушаются с оружием в руках? Тем более что всего за шесть лет до этого, в марте 1881 г. от рук народовольцев в муках погиб царь Александр II. И свои жестокие устремления, несмотря на их очевидную бесполезность, эти люди явно оставлять не собирались: Александр Ульянов со товарищи был лишним тому подтверждением.

Кто-нибудь другой на месте Ленина после произошедшего с братом, быть может, одумался бы и не стал готовить новых покушений на власть в какой бы то ни было форме. Но не таков был Володя Ульянов – для него отныне вопрос состоял лишь в том, какую идеологию избрать для борьбы, под чьим знаменем выступить. Такой идеологией стал большевизм.

Считается, что слово «большевики» впервые прозвучало в ходе II съезда Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), проходившего в июле—августе 1903 г. сначала в Брюсселе, затем в Лондоне. На съезде произошёл раскол российской социал-демократии на правое и левое крылья – меньшевиков и большевиков, хотя факт этого раскола оспаривается до сих пор, поскольку, например, в Государственной думе первых созывов депутаты от социал-демократии выступали с единых позиций. Кроме того, к собственно большевикам было принято (и так это остаётся и по сей день) относить именно сторонников Ленина. У противников этой версии, однако, есть в запасе аргументы, касающиеся IV «объединительного» съезда РСДРП, проходившего в апреле 1906 г., на котором большевики, наоборот, оказались в меньшинстве, или V съезда, продолжившего официальный курс на сплочение. Разные версии можно бесконечно обосновывать с помощью одних аргументов и тут же опровергать другими. Важно не то, когда именно ленинцы оформились в самостоятельную организацию, а то, что это произошло бы в любом случае: Ленин стремился к власти, а для этого была нужна дисциплинированная организация, а не дискуссионный кружок; другие же, Мартов в частности, настаивали на предоставлении широких возможностей для дискуссии – высказывания мнений по стратегии и тактике социализма, что, с одной стороны, можно презрительно называть «кружковщиной» (Ленин так и делал), а с другой, необходимо иметь в виду, что уважение к различным точкам зрения – суть и естество демократии.

Само явление большевизма многим до сих пор представляется таким же загадочным, как необъяснимые события и явления прошлого, поэтому одни большевиков обожают, другие, наоборот, демонизируют. На самом деле всё одновременно и проще, и сложнее, а в сущности объясняется логикой политического процесса. Ведь занятия политикой, как и любой другой общественной деятельностью, – процесс динамический, предсказать результаты которого далеко не всегда представляется возможным, поэтому не следует никакие теории ни превращать в догму, ни принимать за руководство к действию.

1.1. «Призрак коммунизма» и II съезд РСДРП

Несмотря на разночтения относительно того, когда именно и при каких обстоятельствах появились «на свет» большевики, следует считать, что раскол произошёл именно в ходе II съезда РСДРП, – просто потому, что так считал сам «первосвященник» большевизма Владимир Ульянов (Ленин). О том, что именно тогда произошло, Ленин подробно изложил в своём «Рассказе о II съезде РСДРП»⁵. Решающих голосов на съезде было 51: 33 делегата с одним голосом и 9 – с правом голосовать за двоих (присутствовали также участники с совещательными голосами). Решающие голоса, в свою очередь, составляли чрезвычайно пёструю картину, в самой основе которой даже при не пристальном рассмотрении был заложен конфликт: 5 – от Бунда (еврейской рабочей организации); 3 – рабочедельских (от «Рабочее дело»), в их числе 2 – от Союза русских социал-демократов за границей (о них речь пойдёт отдельно далее) и 1 – от питерского «Союза борьбы»; 4 – южнорабоченца, в их числе 2 – от группы «Южный рабочий» и 2 – от Харьковского комитета; 6 – нерешительных, прозванных на съезде «болотом», каковое прозвище в течение десятилетий в чрезвычайно саркастическом, оскорбительном контексте использовалось в официальной советской истории, хотя Ленин и обратил в своём отчёте о съезде специальное внимание на то, что так называли этих людей в шутку, а не для того, чтобы оскорбить. В съезде также принимали участие 33 искровца, «более или менее твёрдых и последовательных в своём искрянстве», разделившихся уже по ходу событий: 9 человек придерживались «мягкой», или «женской» (как выражались некоторые остряки) линии и 24 искровца – «твёрдой». На этом можно было бы, кажется, и завершить рассказ о возникновении термина «большевизм», однако в действительности всё складывалось сложнее и интереснее.

Проблема изучения любого исторического отрезка заключается в том, что, потянув за одну нить, вдруг обнаруживаешь, что множество других исторических нитей немедленно вступают с ней во взаимодействие. Причём без учёта этих других «нитяных» сущностей совершенно невозможно рассматривать ту единственную, на которой, собственно, и хотелось остановиться подробнее. В точности так это происходит и с рассмотрением исторических взаимосвязей между участниками памятного II съезда РСДРП. Так, двое из упомянутых участников съезда, делегированных от Союза русских социал-демократов за границей, фактически представляли интересы самой первой марксистской организации в России – группы «Освобождение труда», созданной в 1883 г. в Женеве из числа легендарных революционеров-народников – Плеханова, Игнатова, Засулич, Дейча и Аксельрода. «На книжках Плеханова воспитывалось несколько поколений русских марксистов, в том числе Ленин и вожаки русского коммунизма», – напишет впоследствии в книге «Истоки и смысл русского коммунизма» философ Николай Бердяев⁶. И эта историческая нить особенно важна для текущего рассмотрения: именно «освобожденцы» провозгласили в качестве своих первоочередных задач критику народничества, а также перевод и пропаганду в России трудов Маркса и Энгельса. И если бы не просветительская работа этих бывших народников, то Ленин, скорее всего, даже и оставаясь в течение жизни революционером и противником самодержавия, исповедовал бы какую-то другую теорию, а не марксизм (и как знать, как повернулось бы дело в России в этом случае). Но произошло именно так, а не иначе, и на базе противостояния народничеству и пропаганды марксизма уже Ленин в 1895 г. образовал в Петербурге «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», даже названием подчеркнув свою преемственность с группой Плеханова. «Марксисты стояли за пролетаризацию крестьян-

⁵ Ленин В. И. Рассказ о II съезде РСДРП. – М. – Политиздат. – 1972. – 32 с.

⁶ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М. – Наука. – 1990.

ства, которой народники хотели не допустить, – напишет Бердяев. – Марксисты думали, что они наконец нашли реальную социальную базу для революционной освободительной борьбы. Единственная реальная социальная сила, на которую можно опереться, это образующийся пролетариат. Нужно развивать классовое революционное сознание этого пролетариата... Первые русские марксисты очень любили говорить о развитии материальных производительных сил, как главной надежде и опоры. При этом их интересовало не столько само экономическое развитие России, как положительная цель и благо, сколько образование орудия революционной борьбы. Такова была революционная психология». Но это неправильная, ошибочная психология по существу. Маркс и Энгельс, когда создавали свои, до сих пор пользующиеся заслуженным авторитетом у социологов мира труды, в частности «Капитал», в куда меньшей степени имели в виду Россию, нежели промышленно развитые (внимание на слово «промышленно») государства Европы. Это правда, что уже в 90-е г. XIX в. в России в забастовках участвовали сотни тысяч рабочих. Правда, что сначала С. Ю. Витте, а затем П. А. Столыпину в начале века удалось, после подавления террора 1905–1907 гг., стабилизировать финансовую систему страны и обеспечить рывок вперёд промышленности, транспортной инфраструктуры: всё это способствовало не только механическому увеличению численности российского пролетариата, но и росту его самосознания. Однако ни в конце XIX в., ни в начале XX, включая Октябрьский переворот 1917 г., российский пролетариат ещё не был готов ни количественно, ни организационно к тому, чтобы взять в свои руки управление государством. В результате на плечах пролетариата к власти пришли те, кто говорил от его имени и управлял от его имени, не более.

Совершенно иначе складывалась ситуация в Западной Европе – в полном соответствии с той изначальной разницей, которая существовала в развитии производительных сил и производственных отношений между Россией и Европой. Даже в остававшейся разобщённой вплоть до последней трети XIX века Германии первые рабочие организации появились уже в 1830–1840-х г. (в то время как в России, напомним, – в самом конце XIX в.): в 1833 г. возникает «Немецкий рабочий союз», в 1834-м – «Союз отверженных»; в 1842 г. Вильгельм Вейтлинг в своих «Гарантиях гармонии и свободы» излагает теорию нового справедливого общественного устройства; либералы обращаются к королю Пруссии с предложением преобразовать политическое устройство государства, превратив его в конституционную монархию, на что Вильгельм IV отвечает репрессиями и, в частности, в 1843 г. закрывает «Рейнскую газету» Маркса.

В Англии массовое рабочее движение чартистов (от слова charter – хартия) в 1838 году излагает программу под названием «Народная хартия», в которой требует расширения избирательных прав, справедливо полагая, что решать проблемы рабочих возможно через парламент.

В 1848 г. волна революций прокатывается по всей Западной Европе: в феврале – во Франции и Италии, в марте – в Венгрии, Австрии и Пруссии. В 1848–1849 гг. Маркс издаёт в Кёльне свою «Новую рейнскую газету»; в том же революционном 1848 г. Маркс и Энгельс напишут в изданном в Лондоне «Манифесте коммунистической партии»: «Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма». Но в том-то и дело, что «призрак» этот бродил именно по Европе, а не по России: в то время в России ещё даже не шла речь о реформе крепостного права, а не то что о формировании рабочего класса как самостоятельной, осознающей единство своих интересов политической силы. Прогресс, в том числе научно-технический, промышленный, а также процесс политической демократизации в России шёл куда медленнее, нежели в промышленно развитых и просвещённых европейских странах (вроде так это сохраняется и по сей день).

Плеханову, как и Ленину (который начинал, напомним, как его, Плеханова, прямой ученик), всё это было хорошо известно. Поэтому заметим (пусть немного забегаю вперёд),

что Плеханов, искренне напуганный переворотом 25 октября 1917 г. – не за себя лично, а за дальнейшую судьбу рабочего движения в России, – опубликует через два дня в своей газете «Единство» известное «Открытое письмо к петроградским рабочим»⁷, в котором, среди прочего, говорит: «В течение последних месяцев нам, русским социал-демократам, очень часто приходилось вспоминать замечание Энгельса о том, что для рабочего класса не может быть большего исторического несчастья, как захват политической власти в такое время, когда он к этому ещё не готов. Теперь, после недавних событий в Петрограде, сознательные элементы нашего пролетариата обязаны отнестись к этому замечанию более внимательно, чем когда бы то ни было. / Они обязаны спросить себя: готов ли наш рабочий класс к тому, чтобы теперь же провозгласить свою диктатуру? / Всякий, кто хоть отчасти понимает, какие экономические условия предполагаются диктатурой пролетариата, не колеблясь ответит на этот вопрос решительным отрицанием. / Нет, наш рабочий класс ещё далеко не может, с пользой для себя и для страны, взять в свои руки всю полноту политической власти. Навязать ему такую власть – значит, толкать его на путь величайшего исторического несчастья, которое было бы в то же время величайшим несчастьем и для всей России. / В населении нашего государства пролетариат составляет не большинство, а меньшинство. А между тем он мог бы с успехом практиковать диктатуру только в том случае, если бы составлял большинство. Этого не станет оспаривать ни один серьёзный социалист». И в этих своих утверждениях Плеханов справедливо полагался именно на Маркса и Энгельса, на исторический опыт европейского пролетариата.

Ленин, как показал весь дальнейший ход истории, не обращал внимания на громадную историческую разницу в развитии пролетариата российского и западноевропейского, не считая, видимо, её существенной в своём движении к цели. Но не знать вовсе об этой разнице он не мог, потому что ещё до возвращения из эмиграции, в 1913 г., в характеристиках периодов исторического развития в работе «Исторические судьбы учения Карла Маркса»⁸ отметил: «Второй период (1872–1904) отличается от первого “мирным” характером, отсутствием революций. Запад с буржуазными революциями покончил. Восток до них ещё не дорос». Но тем не менее страницей ранее Ленин поразительным образом противоречит сам себе, когда делит всемирную историю на три периода: «1) с революции 1848 года до Парижской Коммуны (1871); 2) от Парижской Коммуны до русской революции (1905); 3) от русской революции». Первая русская революция, окончившаяся Третьеиюньским переворотом (об этом подробно далее), конечно, имела слишком отдалённое отношение к тому, что происходило в Великобритании, или, например, в Германии, – именно ввиду огромной разницы между развитием производительных сил и производственных отношений (как очень любил говорить это в своих работах Ленин) в России и в Западной Европе.

Ошибался Ленин и в том, когда писал, что «Запад вступает в полосу “мирной” подготовки к эпохе будущих преобразований», под которыми, естественно, подразумевал «процесс подбирания и собирания сил пролетариата, подготовки его к грядущим битвам». Спровоцированные Первой мировой войной революции действительно изменили облик Европы, но, как показала история, не изменили производственные отношения: политика и экономика на Западе продолжали развиваться путём парламентской демократии, а отнюдь не путём пролетарской диктатуры. Но Ленин упорно не хотел видеть разницы между политическими процессами на Западе и на Востоке, более того, он фактически указывал на прямую параллель между Парижской коммуной 1871 г. и Первой русской революцией 1905–1907 гг. и тем, что происходило на Востоке: «За русской революцией последовали турецкая, персидская, китайская... Не отчаяние, а бодрость надо почерпать из факта вовлечения восьмисотмилли-

⁷ «Единство». – 1917. – 28 октября (по ст. ст.).

⁸ Ленин В. И. Исторические судьбы учения К. Маркса. – М. – Политиздат. – 1977. – С. 9–13.

онной Азии в борьбу за те же европейские идеалы». Но турецкие, персидские и китайские рабочие и крестьяне, естественно, ни о каких «европейских идеалах» понятия не имели и имени Маркса тогда ещё даже не слышали. Конечно, впоследствии восточные народы не только услышали имена Маркса, Энгельса и Ленина, а также Сталина, Молотова, Ворошилова, но и попытались установить в своих странах режим пролетарских диктатур – так, как они их себе представляли. Но, как и в России, диктатуры эти подозрительно схоже неизменно провоцировали экономический упадок в сопровождении массовых политических репрессий.

Ко всему прочему дело заключалось не только в меньшем или большем, чем в Европе, количестве пролетариата, но и в его «качестве»: российский пролетариат не был так хорошо организован, как европейский, эту роль – роль организатора – и взяли на себя большевики, которые полагали, что им лучше, нежели самому пролетариату, известно, в чём состоит его благо.

Но на что мог рассчитывать Ленин, который не мог не знать того же, что было известно Плеханову – то есть что российский пролетариат в начале XX в. ещё не был готов управлять огромной страной? Ленин рассчитывал двигать свою партию вперёд, опираясь на союз пролетариата с «трудовым» крестьянством, поэтому в статье «Пролетариат и крестьянство», опубликованной в «Новой жизни» уже после III съезда РСДРП 12 ноября 1905 г., делал упор на то, что «все сознательные рабочие поддерживают всеми силами революционное крестьянство. Все сознательные рабочие хотят того и добиваются того, чтобы крестьянство получило всю землю и всю волю. Всю землю – это значит не удовлетворяться никакими частичными уступками и подачами, это значит рассчитывать не на соглашение крестьян с помещиками, а на уничтожение помещичьей поземельной собственности. И партия сознательного пролетариата, социал-демократия, самым решительным образом высказалась в этом смысле: на своем III съезде, состоявшемся в мае настоящего года, РСДРП приняла резолюцию, в которой говорится прямо о поддержке крестьянских революционных требований *вплоть до конфискации всех частновладельческих земель*. Эта резолюция ясно показывает, что партия сознательных рабочих поддерживает крестьянское требование всей земли» (курсив Ленина). Правда, тот факт, что конфискованную у помещиков землю предполагалось далее передать крестьянам исключительно в «обобществлённом» виде, Ленин тогда умалчивал.

Плеханов же и в начале века, и позднее, уже после Октябрьского переворота, в том же «Открытом письме», указывал на очевидную разницу между городским и сельским пролетариатом: «Рабочий класс может рассчитывать на поддержку среди крестьян, из которых до сих пор состоит наибольшая часть населения России. Но крестьянству нужна земля, в замене капиталистического строя социалистическим оно не нуждается... хозяйственная деятельность крестьян, в руки которых перейдёт помещичья земля, будет направлена не в сторону социализма, а в сторону капитализма». Но не мог Плеханов предполагать, что большевики, отобрав землю у помещиков, «забудут» передать её крестьянам, как обещали, и уничтожат лучшую, зажиточную часть единоличных хозяйств.

Зато пугающая точность предвидения Плеханова проявилась в следующем его утверждении: «Если бы, захватив политическую власть, наш пролетариат захотел совершить “социальную революцию”, то сама экономика нашей страны осудила бы его на жесточайшее поражение». Действительно: российский социализм в итоге, в последней четверти XX в. потерпел сокрушительное поражение в конкуренции с рыночной экономикой Запада. Кроме того, так же, как и в случае с пролетариатом, масса сельского населения в России была в то время куда менее образованной (точнее – вовсе необразованной), в сравнении с населением в Европе.

Ленин, однако, с самого начала рассчитывал не только на поддержку пролетариата крестьянством внутри страны, но и на поддержку мирового пролетариата. И как же он ликовавал – а вместе с ним и делегаты VI чрезвычайного съезда Советов, проходившего в ноябре 1918 г. и посвященного первой годовщине Октябрьского переворота (вновь слегка забегаем вперёд), – когда обсуждалась как свершившийся факт революция в Германии! Но и тут предвидение Плеханова оказалось устрашающе точным: «Говорят: то, что начинает русский рабочий, будет dokonчено немецким. Но это – огромная ошибка. / Спора нет, в экономическом смысле Германия гораздо более развита, чем Россия. “Социальная революция” ближе у немцев, чем у русских. Но и у немцев она ещё не является вопросом нынешнего дня. Это прекрасно сознавали все толковые германские социал-демократы как правого, так и левого крыла, ещё до начала войны. А война ещё более уменьшила шансы социальной революции в Германии, благодаря тому печальному обстоятельству, что большинство немецкого пролетариата с Шейдеманом во главе стало поддерживать германских империалистов. В настоящее время в Германии нет надежды не только на “социальную”, но и на политическую революцию. Это признаёт Бернштейн, это признаёт Гаазе, это признаёт Каутский, с этим наверное согласится Карл Либкнехт. / Значит, немец не может dokonчить то, что будет начато русским. Не может dokonчить это ни француз, ни англичанин, ни житель Соединённых Штатов. / Несвоевременно захватив политическую власть, русский пролетариат не совершит социальной революции, а только вызовет гражданскую войну, которая в конце концов заставит его отступить далеко назад от позиций, завоёванных в феврале и марте нынешнего года» (выделено мной. – А. А.-О.).

Но на II съезде РСДРП (вернёмся вновь к нему), проходившем в июле—августе 1903 г., ни Ленин, ни Плеханов не могли знать о предстоявших тектонических сдвигах в социальном и государственном устройстве России. Кстати, съезд этот не случайно проходил в Брюсселе, а затем в Лондоне (бельгийские власти заставили делегатов перенести заседания в «другое» место). И это тоже очень важный момент для рассмотрения нашей темы: дело в том, что к началу работы съезда российские власти прекрасно отдавали себе отчёт, откуда исходит настоящая угроза общественному спокойствию, и поэтому очевидно, что подобное «мероприятие» заведомо не могло быть организовано на российской территории. В Уставе о цензуре и печати от 1890 г. (четвёртом по счёту и последним в истории России) в статьях 95 и 96 прямо говорилось о необходимости не допускать к публикации «сочинений и статей, излагающих вредные учения социализма и коммунизма, клонящиеся к потрясению или ниспровержению существующего порядка и к водворению анархии»⁹ (выделено мной. – А. А.-О.). Такое же понимание угрозы, исходящей от крайних течений социализма, укрепилось и во властных верхах европейских промышленно развитых государств. И «вредность» этих учений к началу работы II съезда РСДРП, конечно же, только возросла: вопросы обсуждались всё менее теоретические, началось уже, незаметно для самих участников, накопление опыта и шлифовка навыков для подготовки к захвату власти – какой бы эта цель ни казалась далёкой в 1903 г. И процесс этот наиболее ярко проявился как раз в ходе работы съезда: между его главными участниками разногласия сразу возникли по, казалось бы, сугубо техническому вопросу о том, кого выбирать для руководства работы съездом – бюро или президиум и сколько делегатов должны войти в эти органы. Но именно тут фактически проявились и противоречия по существу дела: как «делать» политику – путём дискуссии, выяснения и учёта разных мнений или путём принятия решений и жёсткого контроля за их исполнением со стороны небольшой группы партийных вождей. Чем на практике закончилось в 1917 г. выяснение отношений по этому «техническому» вопросу между лидерами россий-

⁹ Устав о цензуре и печати // Свод законов Российской империи. Т. 14. – СПб.: Издание кодификационного отдела при Государственном совете, 1890. – С. 1–46 (внутр. нумерация).

ской социал-демократии, известно. Но нам ведь важен и сам процесс – то, **как именно это произошло**. «Заметим наперёд, – пишет Ленин в своём “Рассказе о II съезде РСДРП”, – что раскол искряков был одним из главных политических результатов съезда, и желающему ознакомиться с делом надо обратить поэтому особое внимание на все эпизоды, связанные, хотя бы отдалённо, с этим расколом».

Итак – бюро или президиум? Мартов предлагал избирать президиум из девяти делегатов, и уже из их числа – троих в бюро. Ленин же выступал за выбор лишь троих «для держания в строгости» (кого и зачем?!). В результате избрали троих, в том числе Ленина, но без Мартова. Однако «держанию в строгости» делегатов это не помогло, потому что одно за другим возникали разногласия: то по вопросу о позиции отдельных членов организации «Искры», то по проблеме «равноправия языков». Характерным был эпизод с принятием 1-го пункта устава партии. В ленинской редакции он звучал так: «Членом Российской социал-демократической рабочей партии считается всякий, признающий её программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным *участием в одной из партийных организаций*» (курсив Ленина). Мартов же предлагал вместо слова «участие» записать: «*работой под контролем и руководством одной из партийных организаций*» (курсив Ленина).

Всякому здравомыслящему человеку ясно, что по существу никакой разницы в этих формулировках нет. А при более пристальном рассмотрении может показаться, что именно формулировка Мартова, не в пример ленинской, была более жёсткой. Но какой смысл вкладывали Ленин и Мартов каждый в свою формулировку? В понимании Ленина было «необходимо *сузить* понятие члена партии для отделения работающих от болтающих, для устранения... такой нелепости, чтобы могли быть организации, состоящие из членов партии, но не являющиеся партийными организациями, и т. д. Мартов стоял за *расширение* партии и говорил о широком классовом движении, требующем широкой – расплывчатой организации и т. д.», причём слово «расплывчатой» представляется здесь сугубо личным выражением Ленина, употребляемым для убедительности: мало вероятно, что сам Мартов в реальности съезда предлагал строить партию на «расплывчатом» фундаменте. Да и что плохого в стремлении Мартова расширить возможности для участия в партии? Только то, что пришлось бы учитывать много разных мнений, и это на самом деле мешало бы движению этой партии к власти. Так в итоге и произошло: большевики пришли к власти, а меньшевики, не только Мартов, но и Плеханов, остались дискутировать «за бортом». Но всё дело в том, для чего люди добиваются власти и как её потом используют. Как использовали власть большевики и чем это закончилось, хорошо известно. Тем не менее тут Ленину невозможно отказать в предвидении, которое и помогало планировать партийную работу: ему с самого начала было совершенно ясно, что для захвата власти нужна жёстко структурированная организация, а не дискуссионный клуб. Мартову это не представлялось столь очевидным, как, видимо, не представлялась очевидной сама необходимость вооружённого захвата власти. Именно это имел в виду Бердяев, когда впоследствии утверждал: «Пусть меньшевики имели тот же конечный идеал, что и Ленин, пусть они также преданы рабочему классу, но у них нет целостности, они не тоталитарны в своём отношении к революции. Они усложняли дело разговорами о том, что России сначала нужна буржуазная революция, что социализм осуществим лишь после периода капиталистического развития [и, очевидно, были правы. – А. А.-О.], что нужно ждать развития сознания рабочего класса, что крестьянство класс революционный и пр... Для Ленина марксизм есть прежде всего учение о диктатуре пролетариата. Меньшевики же считали невозможной диктатуру пролетариата в сельскохозяйственной, крестьянской стране. Меньшевики хотели быть демократами, хотели опираться на большинство. Ленин не демократ, он утверждает не принцип большинства, а принцип подобранного меньшинства».